

УКРАИНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
КИЕВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

В.А. Кожевников

О добросовестности в вере и неверии

Сканирование и создание электронного варианта:
Библиотека Киевской Духовной Академии
(www.lib.kdais.kiev.ua)

Киев
2012

Центрально-національна бібліотека України імені Шевченка

Підготовлено для онлайн бібліотеки Київської Духовної Академії і Семинарії
<http://lib-kdaps.kiev.ua>

В. А. Кожевниковъ.

О добросовѣстности

въ вѣрѣ и въ кевѣрии.

[Изъ учения о добросовѣстности]

Изданіе Религиозно-научной Библиотеки.

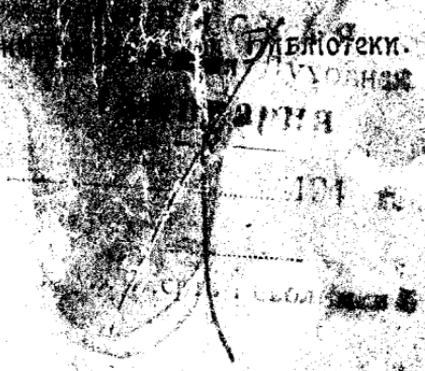
на 15 коп.

ИЗДАТЕЛЬ А.М. СМЕЯКОВЪ МОСКВА

1909.

Мил. Д.

X

Подготовлено для онлайн библиотеки Киевской Духовной Академии и Семинарии
http://Lib.kdais.kiev.ua

Комевицьков В А

Мф. 2/1

БИБЛИОТЕКА
Одесс. Дух. Семинарии
Отд. № 535
К 58 Мф. 15. 166

О добросовѣстности въ вѣрѣ и въ невѣрѣ

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ извѣстный французскій писатель Фердинандъ Брюнетьеръ сказалъ, что характерная черта послѣдняго времени—потребность въ вѣрѣ (Brunetière. Le Besoin de croire въ Discours de combat. Paris. 1906. I, p. 296). Въ культурной жизни Запада это явленіе—фактъ признанный. У насъ къ нему едва начинаютъ приглядываться, потому, вѣроятно, что потребность вѣры въ осложнившемся и помутнѣвшемъ круговоротѣ нашихъ духовныхъ настроеній переживаетъ еще скрытую, недостаточно опредѣлившуюся пору своего развитія. Это пока еще не столько спросъ на положительную *религіозную* вѣру, сколько общіе поиски смысла жизни. Что *они* въ полномъ ходу, что *они*, благодаря ненормальнымъ, уродливымъ условіямъ времени, складываются у насъ особенно болѣзненно и мучительно, въ этомъ никто, кажется, не сомнѣвается; почти каждый изъ насъ, болѣе или менѣе, такъ или иначе, это самъ выстрадалъ. Но не будемъ роптать на *такія* страданія! Въ нихъ есть нѣчто очищающее и облагораживающее. Если далеко не всегда побѣда остается за положительнымъ началомъ, за вѣрою, все же—благо и честь *добросовѣстно* пережившимъ эти страданія и неотступающимъ передъ *добросовѣстными* поисками истины до конца, до послѣднихъ силъ своихъ! Сомнѣніе мучительно; невѣріе—великое несчастье; но *такъ* повѣтыя, *такъ* поставленныя, они еще не конечный приговоръ надъ духовнымъ устроеніемъ алчущихъ и жаждущихъ правды: при настойчивомъ разслѣдованіи туманъ сомнѣнія можетъ

1) Читано въ Москвѣ 11-го марта 1908 года, въ собраніи студентовъ и курянокъ.

разсѣяться; расширеніемъ и углубленіемъ думы, опытомъ чувства, данными жизни холодный сумракъ невѣрія можетъ просвѣтлѣть въ радостную зарю вѣры. Но горе и стыдъ духовной лѣни, равнодушію къ высшимъ, основнымъ и конечнымъ запросамъ существеннѣйшихъ человѣческихъ стремленій! Здѣсь—гибель своей души и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тяжкій грѣхъ противъ общаго блага, ибо каждый изъ насъ связанъ съ тѣмъ священнымъ цѣлымъ, которое называется человѣчествомъ, и отказъ отъ человѣческаго достоинства хотя бы у одного изъ людей есть уже униженіе всего человѣческаго рода.

А наше человѣческое достоинство мы несомнѣнно теряемъ въ лѣни духовной, въ умственной и нравственной апатіи и неряшливости. Надо-ли мнѣ *здѣсь* пояснять это, передъ умами еще свѣжими, жаждущими знанія, чтущими сознательное отношеніе къ жизни? передъ душами, еще не опощенными прозаическими подачками жизни, дешевымъ подкупомъ соблазновъ матерьяльнаго праха?.. Какъ *жить* сознательно и нравственно, не уяснивши себѣ смысла жизни, даже не задумываясь надъ нимъ! И позорно это, да и невозможно! Невозможно настолько, что даже тѣ, что опустились до полуживотнаго равнодушія къ высшимъ запросамъ духа и жизни, тѣ, въ комъ дремота и расслабленіе замѣнили благородную энергію жизни,—и тѣ могутъ дремать только при условіи *отрицанія* смысла въ жизни. Если нѣтъ его, и быть не можетъ,—тогда выборъ простой, но и ужасный: либо мертвая петля отчаянія и насильственный разрывъ съ жизнью, съ этой бессмыслицей и нелѣпостью, либо рабское подчиненіе царящему надъ нами, зная насъ не хотящему космическому неразумію и не нравственности, либо, наконецъ, махнувъ рукою на достоинство, на идеалы человѣчества,—принизиться до жалкаго довольства тѣмъ, что есть, не вдаваясь даже въ расцѣнку того, что оно такое и чего стоитъ,—успокоиться, заснуть въ пыли и тинѣ, пока и самъ не станешь горстью праха въ безконечной тщетѣ безсмысленнаго, рокового круговорота непостижимаго и безжалостнаго цѣлаго.

Къ несчастью, ихъ такъ много вокругъ, этихъ заживоумершихъ, хотя еще способныхъ къ воскресенію! Но ихъ

было бы несравненно меньше, если бы въ поиски смысла жизни, абсолютнаго, вѣчнаго, совершеннаго, въ поиски вѣры вносилось побольше добросовѣстности, серьезности, научности. Въ самомъ дѣлѣ, отвѣтимъ не другимъ, а себѣ самому каждый, по совѣсти и безъ утайки, многими ли изъ насъ эта высшая, эта неотложнѣйшая изъ задачъ рѣшалась, не говорю уже *съ максимальной* осторожностью, настойчивостью и стараніемъ, а хотя бы *съ достаточнымъ* примѣненіемъ этихъ качествъ, неизбѣжныхъ въ какомъ бы то ни было изслѣдованіи? Къ общему ужасу нашему, придется отвѣтить „нѣтъ“, а если „да“, то лишь примѣнительно къ немногимъ. Что даетъ мнѣ поводъ къ такому тяжелому не обвиненію другихъ, а самообвиненію нашего настоящаго положенія, ибо я далекъ отъ мысли судить отдѣльныхъ лицъ и ни на минуту не отдѣляю болѣзненнаго настроенія отдѣльныхъ умовъ и сердецъ отъ общаго нездороваго состоянія общества? Что же даетъ мнѣ основаніе къ столь скорбному выводу?—Фактъ слишкомъ частыхъ, рѣшительныхъ и будто-бы безповоротныхъ отрицательныхъ отвѣтовъ на труднѣйшіе, сложнѣйшіе вопросы людьми, едва начинающими жить. Какъ? Передъ нами еще только утро жизни, заря пониманія едва загорается, солнце знанія едва показывается изъ-за тумановъ невѣдѣнія; сзади насъ еще вся неиспользованная сокровищница историческаго опыта человѣчества; впереди—нашъ собственный жизненный опытъ и упованія длинной вереницы вѣковъ, миллионъ умовъ и сердецъ, ужели всѣхъ и всегда, ужели во всемъ заблуждавшихся, жившихъ только сладкимъ самообманомъ!... вся эта необъятность еще вокругъ насъ и передъ нами, зовущая къ ознакомленію съ собою, къ усвоенію, къ провѣркѣ, критикѣ, оцѣнкѣ... а мнѣ говорятъ: „все уже рѣшено, все кончено, и, часто, многое, если не все, отринуто! Когда же, спрашивается, и какъ же? Добросовѣстно-ли? научно-ли?“

Добросовѣстность въ разслѣдованіе этой высшей задачи должна вноситься двоякая: нравственная и умственная. Нравственная обязываетъ прежде всего не уклоняться отъ разслѣдованія. Здѣсь нѣтъ мѣста отговоркѣ произвола или лѣни: „я не хочу“, или отговоркѣ слабости: „я не могу“. Есть

Готовлено для онлайн библиотеки Киевской Духовной Академии и Семинарии
http://Lib.kdais.kiev.ua

вещи, лежащая, для существа нравственного, вне произвола. Задача, о которой здесь речь, одна из таковых. Если я признаю себя существом нравственным, я не вправе уклоняться от истины и разрешения смысла жизни и ради самого себя, и ради всего человечества, с которым я неразрывно связан, перед которым я неоплатный должник от колыбели до могилы, и даже далеко за пределами могилы, ибо человечество несравнимо переживет меня, а с ним переживут меня и мои думы, мои чувства, мои поступки, вытекающие из моего определения смысла жизни или из отрицания его. Жить на-авось, „жить дуромъ“ (простите мне это умное русское слово!) я не вправе даже для себя одного, если я сколько нибудь себя уважаю. Но жить только для себя невозможно, не говоря уже о том, что и не должно. А если так, как смѣю я жить на-авось, не ища смысла жизни, цели жизни, нормы жизни, идеала личного и общего бытия? Ясно,—здесь нѣтъ мѣста для „не хочу“. Но нѣтъ его, по тѣмъ же причинамъ, и для „не могу“. Если отъ равнодушія къ священному источнику жизненной энергии, отъ его незнанія или ложнаго определения гибнетъ сама жизнь, моя и всеобщая,—повелительное „я долженъ!“ заставитъ смолкнуть немощное, болѣзненное „не могу!“ И если бы сверхсильное напряженіе нашихъ стремлений къ истинѣ и правдѣ даже не привело во святая святыхъ ихъ,—все равно!—даже изнеможъ на пути къ нимъ не напрасно, не бесплодно: эти усилія окрыляютъ другихъ, эти жертвы спасаютъ будущее! Терновый вѣнецъ мученичества за истину и правду и красоту—уже побѣдный вѣнецъ! *Takie* падшіе въ поискахъ святости „сраму не имутъ“. *Gloria victis!*

Но чтобы удержаться отъ паденія въ предѣлахъ доступнаго силамъ естественнымъ, не забудемъ другой добросовѣстности—*умственной*, если хотите, *научной*. Будемъ вносить въ рѣшеніе важнѣйшей задачи жизни осторожность, серьезность, строгость и послѣдовательность приемовъ научныхъ. Вамъ, учащимся, (предполагаю—друзьямъ науки), эти приемы должны быть извѣстны. Въ самыхъ элементарныхъ чертахъ ихъ основныя требованія сводятся къ слѣду-

ющему: опредѣлить предметъ изслѣдованія, постигнуть его, или, если этого до поры—до времени не удастся, постараться пристально вникнуть въ него, сродниться съ нимъ, чтобы познать его; затѣмъ—опредѣлить, классифицировать его въ ряду фактовъ, явленій, далѣе—усвоить себѣ хотя бы главные результаты трудовъ и свѣдѣній о немъ другихъ, нашихъ предшественниковъ; и лишь тогда уже приступить къ самостоятельной работѣ, не покидая настойчиваго и добросовѣстнаго труда, пока не добьемся результатовъ, и не постановляя рѣшительныхъ приговоровъ и заключеній, положительныхъ или отрицательныхъ, пока остается для насъ сомнительное, неясное, не доказанное. Никто не рѣшится возражать противъ примѣненія этой строгости къ изслѣдованію любой научной задачи. Скажите же, отчего столь многіе такъ невзыскательны въ этомъ смыслѣ, когда дѣло касается изслѣдованія задачъ нравственныхъ, и въ особенности религиозныхъ? Отчего *здесь* столь часто такая умственная дремотность, такое неряшество сужденія, такая самодовольная ограниченность опыта, такой просторъ предубѣжденіямъ, успокоеніе на полу-изслѣдованіи, на кое-какъ изслѣдованіи, на чужомъ рѣшеніи, принимаемомъ сплошь и рядомъ на слѣпую вѣру тѣми, что равнодушны къ поискамъ сознательной вѣры?.. Вѣдь вопросы, о которыхъ мы говорили, вопросы о смыслѣ жизни, нашемъ началѣ и концѣ, о нашихъ отношеніяхъ къ человѣку, къ міру, къ Богу, объ основахъ нравственности, о жизни, смерти и безсмертіи, о вѣчности и совершенствѣ—вѣдь они не менѣе важны и не менѣе сложны, чѣмъ всѣ остальные. И, спѣшу прибавить: столь же неотложны! Я не отрицаю ни одной изъ другихъ настоятельныхъ, нагнетающихъ задачъ вѣка, дня, минуты: ни съ одной изъ благихъ задачъ этихъ медлить нельзя, преступно по равнодушію покидать ихъ. Но какъ рѣшать сознательно и нравственно всѣ очередныя задачи жизни, не уяснивши себѣ общей ея задачи, смысла самого нашего бытія, его высшей, абсолютной основы, нормы и санкціи? Весь благородный энтузіазмъ нетерпѣливой энергии въ практическомъ, насущномъ дѣлѣ не спасетъ ея носителей отъ огромнаго и отвѣтственнаго риска дѣйствовать на-авось, на-угадъ, на личный

произволь въ общемъ дѣлѣ, если у насъ нѣтъ объединяющаго и примиряющаго общаго начала: „почему дѣлать? для чего дѣлать?“ Безъ этихъ основныхъ, только кажущихся теоретическими, въ сущности же неотложно-практическихъ „почему и зачѣмъ?“ всѣ будто-бы практическіе, утилитарные, будто-бы „дѣловые“ „что дѣлать?“ и „какъ дѣлать?“ остаются несознательнымъ и неправственнымъ блужданіемъ на-угадъ и на-произволь, ибо въ нихъ нѣтъ достаточно убѣдительно мотивировки, а слѣдовательно, и нравственныхъ правомочій направлять жизнь другихъ къ тому, а не иному, такъ, а не иначе.

Будемъ же въ нашихъ исканіяхъ смысла жизни, положительныхъ началъ ея, нравственныхъ и религіозныхъ, *научно добросовѣстны*. И сосредоточиваясь на вопросѣ религіозномъ, какъ главномъ, томъ, къ которому всѣ смежные вопросы въ задачѣ о смыслѣ жизни неизбѣжно сводятся, — прежде, чѣмъ осудить религію, вѣру въ Бога, *обсудимъ* ее съ подобающимъ научно-дисциплинированному уму безпристрастіемъ, вдумчивостью, осторожностью и полнотою въ приѣмахъ изслѣдованія и, въ особенности, въ заключеніяхъ.

Что такое религія? что такое ея основа, вѣра? Уже одинъ этотъ вопросъ какого напряженія ума, какого анализа чувствъ, какого внутренняго личнаго опыта, какихъ подтвержденій опыта историческаго онъ требуетъ. По счастью, субъективное *ощущеніе* вѣры, личное *переживаніе* религіи легче ихъ *опредѣленія*, ихъ объективной формулировки. Да не смущаетъ насъ это! Мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ единичнымъ явленіемъ, а скорѣе съ зауряднымъ въ области научныхъ изслѣдованій. Множество явленій, физическихъ, химическихъ, біологическихъ нами ощущаются *какъ фактъ*, слѣдовательно, частично, до известной степени, и познаются прежде, чѣмъ мы въ правѣ дать имъ точное, научное опредѣленіе. Неполнота знанія, трудность безукоризненной формулировки уже фактически доказаннаго явленія есть-ли, въ предѣлахъ естествознанія, достаточное основаніе бросать изслѣдованіе, или, на основаніи только незнания, недобъясненности явленія, отрицать самый фактъ его существованія? Намъ осмѣяли бы за такое малодушіе въ любой лабо-

раторіи, въ любомъ ученomъ кабинетѣ; трудность рѣшенія для ума научнаго, пытливаго и настойчиваго — только лишній стимулъ для дальнѣйшаго, напряженнѣйшаго труда. Будемъ же и въ спорной, таинственной области религіозной неунывающими искателями свѣта! Здѣсь поводовъ къ ободряющему „впередъ!“ не меньше, а больше, чѣмъ въ другихъ областяхъ знанія.

Не какъ философскій выводъ, не какъ умозаключеніе отвлеченнаго мышленія, а какъ непосредственный *жизненный фактъ субъективнаго ощущенія*, божественное дано въ переживаніи миллионovъ людей, на пространствѣ длинной вереницы вѣковъ, несмотря на всѣ различія расъ, мѣстностей и культуръ, отъ низшихъ до высшихъ. Религіи вообще, христіанству въ особенности, сказалъ лучший изъ вождей просвѣщенія XVIII вѣка Лессингъ, нечего себя доказывать; христіанство доказано фактомъ своего существованія, а реальность, лежащая въ основѣ его бытія, удостовѣрена объективно, его историческимъ вліяніемъ, ширина и глубина котораго были бы необъяснимы, немислимы, если бы въ основѣ ихъ лежала иллюзія. Научная добросовѣстность обязываетъ насъ, слѣдовательно, признавши фактъ, приложить все стараніе къ тому, чтобы понять его. Но чтобы оставаться вѣрными духу научной методикѣ, не будемъ примѣнять къ явленіямъ религіознымъ, къ процессу вѣры, требованій, ея природѣ несвойственныхъ, и приѣмовъ изслѣдованія, къ ней неприемлимыхъ.

Сущность вѣры испытавшіе ее согласно полагаютъ въ своеобразномъ, самобытномъ, психологическомъ процессѣ, обнимающемъ весь организмъ человѣка, и который можно, приблизительно, опредѣлить, какъ нравственную потребность воспріятія и какъ самое воспріятіе духомъ человѣческимъ Духа Божія, познаваемаго, лучше всего, при помощи Откровенія въ Свящ. Писаніи, какъ высшее, совершеннѣйшее начало, дающее жизнь душѣ человѣческой и сообщающее нравственный смыслъ ея бытію и бытію всего міра, всего минувшаго, сущаго и долженствующаго быть. Въ предѣлахъ этого жизненнаго желанія, ощущенія и состоянія, вѣра для *испытаннаго* ее не нуждается въ стороннихъ, *внѣшнихъ* доказательствахъ: она

уже фактически доказана жизненным активным восприятием и его следствием—жизненною же переменною воспринявшаго. Непосредственная живость и полнота этих ощущений далеко превосходят все доводы отвлеченнаго разсужденія.

Но, съ другой стороны, для не испытывающаго внутренняго воспріятія вѣры чисто-субъективный характеръ этого процесса заключаетъ въ себѣ болѣе личной убѣжденности, нежели объективной убѣдительности. Каждый отдѣльный фактъ личнаго внутренняго духовнаго опыта для не переживающаго что-либо тождественное или аналогичное можетъ быть принятъ, какъ фактъ достовѣрный, лишь въ степени соответственнаго довѣрія къ правдивости, точности и основательности свидѣтельства того, кто испыталъ обсуждаемый душевный процессъ. Въ этомъ смыслѣ объективная доказательность вѣры, почерпнутая только изъ личнаго внутренняго опыта другихъ, а не изъ собственнаго, значительно понижается. И хотя нѣтъ возможности замѣнить чѣмъ либо инымъ, по существу, это внутреннее самоутвержденіе вѣры, тѣмъ не менѣе, въ виду сказанной трудности, является вполне естественнымъ и оправданнымъ желаніе придать этому субъективному самосвидѣтельству возможно большую убѣдительность въ предѣлахъ *вѣроятности*.

Я не боюсь примѣнить въ столь важномъ дѣлѣ столь скромный терминъ: „вѣроятность!“ И если-бы кто подумалъ, что этимъ умаляется доказательность самой вѣры, тотъ обличилъ бы тѣмъ самымъ недостаточное знаніе ея сущности. Есть истины не противорѣчивыя другъ съ другомъ, а несоизмѣримыя; таковыя имѣютъ свои особыя, самобытныя доказательства, свою специфическую убѣдительность; и переносить изъ одной области въ другую несоизмѣримыя приемы убѣжденія, несвойственные данной области по ея существу, значило бы поступать ненаучно, значило бы количественно умножать доказательства, но качественно уменьшать и ослаблять тотъ истинный способъ доказательства, который въ данномъ случаѣ—главный, существенный.

„Le coeur à ses raisons que la raison ne comprend pas“ (у сердца есть свои доводы, непонятные разсудку), сказалъ

Паскаль. Не смѣшно ли было бы къ области сердечныхъ чувствъ примѣнять аргументацію чисто-логическаго убѣжденія? А стремленіе рѣшать вопросы эстетическіе одною отвлеченною рефлексіей или ею преимущественно не обнаруживало ли бы неспособность проникать въ міръ художественной красоты? Вотъ почему, несмотря на признаваемую нами предѣльность субъективной убѣдительности вѣры, мы твердо стоимъ и должны стоять на ея незамѣнимости по существу ничѣмъ инымъ. Духъ Божій, „превышій всякаго ума“, „свѣтъ Христовъ, просвѣщающій всехъ“ и жизненно перерождающій организмъ нашъ во внутреннемъ воспріятіи и усвоеніи вѣры, не долженъ быть подмѣняемъ ни духомъ логики (діалектикой и математикой), ни духомъ философіи (отвлеченнымъ умозрѣніемъ), ни духомъ аналогіи съ матерьяльнымъ міромъ (наведеніями и доводами естествознанія), какъ бы почтенны сами по себѣ ни были эти приемы знанія, какою бы подмогою въ широкихъ предѣлахъ они ни являлись для самого богопознанія. Сверхмірному и сверхчеловѣческому въ мірѣ дана только одна родная область для откровенія: міръ души, вмещающей Богу, души, которой врождена жажда вѣчности, истины и правды и вѣра въ ихъ реальность, оуществимость и конечную побѣду. Вѣра иного происхожденія, извнѣ отъ другихъ почерпнутая, будетъ вѣрою понаслышкѣ, вѣрою за чужимъ отвѣтомъ или вѣрою отвлеченнаго умозаключенія, не вѣрою „въ правдѣ и силѣ“, не вѣрою „живою, побѣждающею міръ“.

Отсюда, конечно, вовсе не слѣдуетъ, чтобы истины вѣры были противоразумны, антираціональны; онѣ только внѣразумны, супрараціональны въ сокровенной своей сущности. Понятія въ ней самобытно, лично, непосредственно, интуитивно, онѣ однако затѣмъ въ высокой степени допускаютъ добавочное подтвержденіе истинами иного порядка. Религіозная философія, космологія, указанія точнаго естествознанія—все это цѣннѣйшія, добавленія и опоры вѣры при тѣхъ или иныхъ обстоятельствахъ. И все же, ихъ польза и цѣнность для нея опредѣляются степенью ихъ близости къ существенному источнику богопознанія, къ личному, жизненному, активному опыту. Расцѣпка методовъ познания и убѣжденія здѣсь

получается не совпадающая съ чисто-научной классификаціей ихъ. Но этимъ да не смущается сердце наше! Этотъ фактъ—лишь слѣдствіе *реальности* самого процесса вѣры, требующаго и опору *реальныхъ*, опытныхъ, или отдающихъ имъ преимущество передъ отвлеченными. Какой бы соблазнительной ни представлялась сама по себѣ объективная общеприемлемость доказательствъ отвлеченно—разсудочныхъ, философскихъ и математическихъ, въ области вѣры ей приходится уступить первенство болѣе близкимъ къ сущности религіознаго процесса доказательствамъ изъ психологическаго опыта, личнаго и историческаго. Вѣроятность личнаго духовнаго опыта возрастаетъ до высокой степени по мѣрѣ того, какъ она подтверждается въ области исторіи не только безчисленными свидѣтельствами о тождественномъ, по свойствамъ и слѣдствіямъ, *лично* же опытѣ, но и обильными примѣрами *совмѣстнаго*, коллективнаго переживанія одного и того же или, въ существенномъ, сходнаго, внутренняго процесса, *реальность* коего доказывается не однимъ согласнымъ свидѣтельствомъ о немъ, но и одинаковыми, уже *осязательными*, *фактически* проявляющимися слѣдствіями, удостоверяемыми тою же исторіей. Короче сказать: къ разрозненнымъ даннымъ *субъективнаго опыта* исторія христіанства присоединяетъ опытные данныя *психологій коллективной*. Такое „облако свидѣтелей“ не можетъ не содержать въ себѣ реальной основы, фактической сущности.

И эти же безчисленные свидѣтели единогласно указываютъ намъ на тотъ источникъ, изъ котораго ихъ внутренняя потребность въ вѣрѣ почерпала ея живое и опредѣленное содержаніе,—то объективное содержаніе, истина коего активно проявлялась на многоразличныхъ по формамъ проявленія, но сходныхъ по сущности переживаніяхъ личнаго духовнаго опыта. *Этотъ источникъ—Священное Писаніе, Слово Божіе.*

Отсюда—нравственная и научная обязанность старательнаго познанія его. Вѣримъ ли мы въ него или не вѣримъ, любимъ ли уже его или еще, по незнанію, предубѣжденію или собственному складу убѣжденій, въ данную минуту не цѣнимъ его, даже, быть можетъ, враждебно относимся къ нему,—все равно! мы *обязаны* его изучить, понять, *незави-*

симо отъ нашихъ симпатій или антипатій, въ силу требованія не оставаться невѣждами въ пониманіи не одного прошлаго, но и всего настоящаго, ибо ни того, ни другого нельзя знать, невозможно понять, не зная христіанства и первоначальнаго выразителя и хранителя его духа—Св. Писанія. Поймемъ же, наконецъ, что прошлое, сколько ни будь дѣятельное, вліятельное прошлое, неуничтожимо для будущаго! Въ мірѣ историческомъ, психологическомъ и нравственномъ, болѣе, чѣмъ въ мірѣ физическомъ, ничто не теряется: каждое дѣйствіе, каждый порывъ чувства, передавшійся другимъ, каждое, нашедшее откликъ, слово безсмертно въ своихъ слѣдствіяхъ, въ тѣхъ видовзмѣненіяхъ, которыя они сообщили историческому процессу бытія челоуѣчества. Мы не только хронологически и механически стоимъ на плечахъ прошлаго, мы органически-наслѣдственно дѣти его, и освободиться отъ дарованнаго, завѣщаннаго намъ, въ полномъ, безусловномъ смыслѣ, нѣтъ возможности, если только прошлое дѣйствительно вошло въ плоть и кровь нашихъ предшественниковъ. А таково христіанство, сила, болѣе какой либо иной переродившая міръ. Сравнительно съ нимъ, все остальное въ исторіи—частично, мѣстно и временно; оно же, болѣе всѣхъ другихъ явленій, универсально по замыслу, всемірно по вліянію. Этого достаточно, чтобы (повторяю), независимо отъ нашего сочувствія или несочувствія, сдѣлать для людей просвѣщенныхъ обязательнымъ серьезное изученіе первоисточника христіанскаго ученія и его исторіи, Слова Божія.

Но кто же его не знаетъ?—возразятъ, быть можетъ, нѣкоторые.—Очень многіе, отвѣтимъ мы, и, къ удивленію, прежде всего, многіе изъ тѣхъ, кто говоритъ такъ; иначе не было бы столь легкомысленныхъ сужденій о немъ, такихъ наивныхъ, въ своемъ упорствѣ, предубѣждений противъ него. Знать Св. Писаніе не значитъ *когда-то* знать его и потомъ забыть: дѣйствительно познанное, оно не забывается. Знать Писаніе не значитъ *случайно или отрывочно, разспянно* слышать или читать его: его *все* надо познать, продумать и прочувствовать, самостоятельно, принять или отвергнуть не по чужому приговору, не на довѣрїи къ авторитетамъ. На-

дѣюся, мы всѣ здѣсь—искренніе сторонники свободы мысли, свободы совѣсти? ужели же въ основномъ вопросѣ духовной свободы и совѣсти мы, такъ часто возражающіе противъ слѣпой вѣры, ограничимся здѣсь сами слѣпою вѣрою въ чужое мнѣніе, въ чужіе выводы, въ чей бы то ни было авторитетъ, не компетентный здѣсь безъ связи съ самостоятельнымъ опытомъ и убѣжденіемъ, ибо въ области религіозной вся суть, вся жизненность—въ личномъ воспріятіи и усвоеніи истины. Болѣе, чѣмъ гдѣ либо, здѣсь нужна добросовѣстность, вѣрность великому принципу свободы совѣсти, которая мыслима, какъ *право*, лишь только на условіи исполненія и нравственной *обязанности*: *своимъ* умомъ познать искомое, *своимъ* чувствомъ воспринять его, *своею* совѣстью оцѣнить его.

Будемъ же добросовѣстны въ изслѣдованіи, въ невѣрїи какъ и въ вѣрѣ, чтобы имѣть право быть свободными въ рѣшеніи и въ соответственномъ ему жизненномъ поведеніи! Для вѣрующихъ—въ Слово Божіе „сокрыты всѣ сокровища премудрости и вѣдѣнія“. Для непознавшихъ или преждевременно отрицающихъ—это же Слово говорить: „приди и виждь!“ Этого достаточно, если къ призыву отнесемъ добросовѣстно. Приди, сомнѣвающийся или ищущій, *самъ* приди, а не твой замѣститель, кто бы онъ ни былъ: товарищъ, другъ, авторитетъ, кумиръ; здѣсь имъ не мѣсто! ихъ роль впереди; ихъ роль добавочная, совѣщательная, контролирующая, если они на высотѣ ея призванія. Приди самъ, со всѣми сомнѣніями, недоумѣніями, даже отрицаніями, но и со всею осторожностью, добросовѣстностью и готовностью искать честно истину, и только истину,—„и виждь“, изслѣдуй ее своимъ умомъ, своимъ чувствомъ, пока не убѣдишься, съ Божіей помощью, и не воскликнешь съ Өомою: „Господь мой и Богъ мой!“

Ни съ чѣмъ несравнима, по-истинѣ чудесна внутренняя самоубѣдительность и сила Слова Божія для углубляющихся въ него, не говорю уже—съ любовью, а даже съ одною научно добросовѣстностью. Элементарное условіе послѣдней: сначала изслѣдованіе, потомъ—критика; сначала понять предметъ изслѣдованія, не съ внѣшней только стороны, а войти

въ духъ его, въ его внутренній смыслъ, а потомъ уже предъявлять свои требованія, разрѣшать недоумѣнія. Это правило всякой научной работы, скажите, часто ли оно примѣняется къ Св. Писанію? Не видимъ ли мы, наоборотъ, слишкомъ часто, какъ разъ обратный порядокъ: подходить къ вопросу съ предвзятымъ уже рѣшеніемъ, *чужимъ* рѣшеніемъ, ибо *своего* даже мнѣнія, не то что рѣшенія, некогда еще было ставить, за необслѣдованіемъ предмета; несутъ съ собою и готовую критику того, что еще не изучено, кучу возраженій и отрицаній противъ еще не познаннаго самостоятельно и безпристрастно. Научно ли это?..

Обратимся же къ первоисточнику. Этотъ первоисточникъ, несомнѣнно божественный для вѣрующихъ, для нихъ же, какъ и для невѣрующихъ, есть и явленіе *историческое*, фактъ и памятникъ исторической. Иначе и быть не можетъ. Религіозный процессъ не односторонній, а двусторонній, не божественный только и не только человѣческой, а *богочеловѣческой*, ибо онъ—выраженіе отношенія чловѣка къ Богу и Бога къ чловѣку. Въ своей чловѣческой сторонѣ процессъ этотъ и памятники, его выражающіе,—явленіе историческое. Они требуютъ поэтому освѣщенія и пониманія историческаго же, въ связи съ духомъ ихъ времени, совокупныхъ условій окружавшей ихъ среды. Такое историческое пониманіе христіанства, *правильно и въ должной мѣрѣ поставленное*, ни мало не ослабляетъ его божественной стороны; наоборотъ, увеличиваетъ его убѣдительность. Ничто такъ не поразительно, ничто такъ не чудесно въ христіанствѣ, какъ именно эта, безпримѣрная въ судьбахъ міра, способность его сочетать временное и мѣстное вліяніе со всемірнымъ, эта сила воздѣйствія и на отдѣльную личность, и на все чловѣчество, это объединеніе всей интимности и глубины индивидуальнаго духовнаго процесса съ высочайшими стремленіями ко всеобщему, абсолютному и вѣчному. Именно эта, многообразная по примѣненію, единая и неизмѣнная по сущности, истина христіанства, такъ ярко выраженная въ его прошломъ, есть залогъ его примѣнимости и къ настоящему, и къ будущему, ручательство его безсмертія. Именно поэтому Евангеліе—вѣчная книга, неисчер-

ываемая всею долгою эволюціею всемірно - историческаго процесса.

Но поэтому же самому смущающимся историческими недоразумѣніями по поводу христіанства, вдумавшись предварительно въ его вѣчную сущность, въ его внутренній божественный смыслъ, ибо это—главное,—нужно, для разъясненія такихъ недоумѣній, познать христіанство и какъ историческое явленіе. И здѣсь на помощь не только пытливому, но и достаточно зрѣлому уму—изумительная по богатству, историческая и практическая литература, какъ разъ въ наши дни сдѣлавшая поразительные успѣхи. Нѣтъ года теперь, когда бы не всплывали изъ забвенія вѣковъ новые для науки памятники первыхъ временъ христіанства и окружавшей его среды, на еврейскомъ, греческомъ, сирійскомъ, коптскомъ и другихъ языкахъ. Даже камни—надписи заговорили о быломъ, и все это—во укрѣпленіе достовѣрности не только Свящ. Писанія, но и Свящ. Преданія, какъ это признаетъ сама западная критика, значительно смягчившая свои отрицательные выводы подъ вліяніемъ именно новѣйшихъ, положительныхъ свидѣтельствъ исторіи. Но все это сокровище духовнаго вѣдѣнія для многихъ (и сколь многихъ!) ждетъ еще воскресенія. Исторія, какъ къ ней относится большинство, все еще подобна полю мертвыхъ костей въ видѣніи Іезекіиля, безмолвныхъ, прахомъ покрытыхъ, и съ которыми говоритъ только изсушающій вѣтеръ пустыни—сомнѣніе. Но исторія, въ своемъ истинномъ назначеніи постигнутая, есть сила воскрешающая: „Приди, душе, и вдуни на мертвыя сія, и да оживуть!.. И вниде въ нихъ духъ жизни, и ожиша, и сташа на ногахъ своихъ, соборъ многъ зѣло“ (Іезек. 37, 9—10). Духъ воскрешающій въ исторіи есть любовь, противоположность забвенія. Ея-то силою животворящею и должны, добавочно къ личнымъ поискамъ Бога, къ благоговѣйному изученію Слова Его, проникнуться ищущіе рѣшенія вопроса о смыслѣ жизни, дабы „истины, слышанныя исперва“, не казались намъ ни чужими, ни мертвыми. Конгениальное, сродственное пониманіе, всюду необходимое, здѣсь пужнѣе, чѣмъ гдѣ либо, потому что здѣсь передъ нами должно выясниться не одно развитіе идей, а долженъ вос-

креснуть цѣлый міръ глубочайшихъ чувствъ и стремленій, должна раскрыться таинственная сѣнь порывовъ души въ область вѣчнаго, божественнаго, къ порогу которой приводитъ разумъ, но во Святая Святыхъ которой вступаетъ только сердце, полное Богомъ. Туманъ далекихъ вѣковъ и ночь нашихъ собственныхъ недоумѣній разсѣиваются передъ разумомъ, не только просвѣтленнымъ мерцающимъ факеломъ знанія, но и согрѣтымъ, прежде всего, животворными лучами Солнца Любви всеобъемлющей и всепримирающей.

Последнее слово! Я позволилъ себѣ призывать къ добросовѣстности въ исканіи вѣры. Но добросовѣстность, какъ мы видѣли, столь же нужна и въ сомнѣніи, и въ невѣріи. Вѣра убѣжденная, искренняя, чистая и въ жизни плодотворно воплощающаяся,—величайшая святыня. Но и невѣріе достойно уваженія, если оно проведено добросовѣстно, а таково оно, когда, примѣнивши къ себѣ и къ противоположному себѣ все вышесказанное и оставшись все-же непереубѣжденнымъ, оно не замираетъ на первомъ изслѣдованіи, а продолжаетъ его или, по крайней мѣрѣ, отсрочиваетъ постановку своего окончательнаго отрицательнаго приговора. Необходимость отсрочки вытекаетъ изъ обязанности переизслѣдованія при измѣнившихся обстоятельствахъ. Измѣняются же они по отношенію къ вопросу о вѣрѣ, о смыслѣ жизни потому, что мы съ каждымъ днемъ должны обогащаться не только знаніемъ, но и опытомъ жизни, этимъ, въ данномъ случаѣ, цѣннѣйшимъ знаніемъ. Вѣрность убѣжденія не значитъ неподвижность убѣжденій, неспособность къ ихъ развитію и совершенствованію. Перемѣна мнѣній и даже убѣжденій—не измѣна. Измѣна тамъ, гдѣ предательство того, что считаемъ истиной; нѣтъ измѣны тамъ, гдѣ, при расширившемся, углубившемся, прояснившемся сознаніи, прежнее убѣжденіе опознано, какъ неполная истина или какъ заблужденіе. Чувствуя свое научное знаніе, свой жизненный опытъ подвинувшимися впередъ сравнительно съ прежними, мы обязаны сызнова провѣрить наше отношеніе къ величайшимъ вопросамъ знанія и жизни. Это—долгъ общій и для сознательной вѣры, и для честнаго невѣрія. Невѣрія было бы несравненно меньше, если бы мы относились съ

должной серьезностью къ его достоинству, то есть принимали бы его не со слѣпою вѣрою, а съ неустанною критическою провѣркою.

Будемъ же добросовѣтны до конца въ священныхъ вопросахъ добра и совѣсти, добра всеобщаго и нашей личной совѣсти!

В. А. Кожевниковъ.

